УДК 338.1(571.6)”191/192”

Галицин Сергей Валерьевич – аспирант ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный гуманитарный университет (г. Хабаровск). *E-mail: galicin_2012@mail.ru*

С.В. Галицин
S.V. Galitsin

Экономическое положение на Дальнем Востоке России по окончании Гражданской войны и интервенции

Статья посвящена экономическому положению Дальнего Востока по окончании Гражданской войны и иностранной военной интервенции. В ней выявляются наиболее пострадавшие отрасли экономики Дальнего Востока, анализируются статистические данные, характеризующие изменения, затронувшие народное хозяйство края, рассматриваются меры, предпринятые новой советской властью и направленные на преодоление губительных последствий военных действий на территории края. Отмечаются влияние соседних государств на темпы развития некоторых отраслей хозяйства края, расширение кадрового состава органов и учреждений, ответственных за проведение восстановительных мероприятий. Отдельно рассматривается послевоенное состояние тяжёлой и добывающей промышленности Дальнего Востока, а также действия органов власти, направленные на оптимизацию деятельности промышленных предприятий Дальнего Востока. Автор формулирует вывод о замедлении восстановления экономики Дальневосточного региона и непосредственной зависимости этого процесса от объёмов его финансирования со стороны органов власти.

Economic situation in the Far East of Russia upon termination of the Civil war and the intervention

The article is devoted to the economic situation of the Far East upon termination of the Civil war and the foreign military intervention. In it the most affected branches of economy of the Far East come to light, the statistical data characterizing the changes which affected national economy of the territory are analyzed, the measures taken by the new Soviet power and directed on the overcoming of pernicious consequences of military operations in the territory of the region are considered. The influence of neighboring states on the rates of development of some branches of economy of the territory, expansion of personnel structure of the bodies and institutions responsible for carrying out the recovery actions are noted. The post-war condition of the heavy and mining industry of the Far East, and also the actions of authorities directed on optimization of the activity of industrial enterprises of the Far East is separately considered. The author formulates a conclusion about the delay of recovery of the economy of the Far-

Eastern region and the direct dependence of this process on the volumes of its financing from the authorities.

Ключевые слова: *Гражданская война, интервенция, Дальний Восток, Амурская губерния, дальневосточное хозяйство, советизация, экономическое положение, рыбопромышленность, золотопромышленность, восстановление хозяйства.*

Keywords*: Civil war, intervention, the Far East, the Amur province, the Far-Eastern economy, sovietization, economic situation, fishing industry, gold mining, restoration of economy.*

Гражданская война и иностранная военная интервенция на Дальнем Востоке привели к глубокому и всестороннему кризису региона. Борьба с белогвардейцами и интервентами, продолжавшаяся до октября 1922 г. и потребовавшая мобилизации всех сил и средств, повлекла громадные человеческие и материальные потери. В силу окраинного положения Дальневосточного региона, отсутствия прочной связи и существенной поддержки со стороны центральных органов власти, занятых ликвидацией разрушительных последствий войны на западе страны, бремя восстановления хозяйства края и преодоления чрезмерного экономического влияния соседних государств на ряд отраслей народного хозяйства легло на плечи образованного в ноябре 1922 г. Дальревкома и подконтрольных ему учреждений.

Экономическое положение на Дальнем Востоке было не везде однородно и находилось в прямой зависимости от продолжительности интервенции, с одной стороны, и от того, в какой степени охватила тот или иной район Гражданская война. Среди наиболее пострадавших отраслей экономики, в первую очередь, следует выделить сельское хозяйство, в первые десятилетия XX в. определявшее экономический облик Дальнего Востока. В разных губерниях вновь образованной Дальневосточной области (ноябрь 1922 г.) характер и степень причинённого войной ущерба были различны и затрагивали, как правило, лишь некоторые направления отрасли, однако, в целом, сельское хозяйство пострадало значительно. В особенности это касается земледелия, получившего наибольшее распространение в восточных губерниях, прежде всего, Амурской. Начавшийся в конце XIX в. массовый приток переселенцев на Дальний Восток ускорил развитие земледелия в этой губернии, и к середине 1910-х гг. оно вступило в пору расцвета: за два десятилетия (1895 – 1915 гг.) численность сельского населения выросла в 4 раза, а площадь посевов – в 10 раз [1]. Однако начавшаяся вскоре Гражданская война не только приостановила темпы развития земледелия в Амурской губернии, но и, в конечном счёте, привела к его упадку. Так, с 1919 г. здесь началось планомерное падение посевной площади. К 1921 г. общая площадь крестьянских посевов сократилась на 40%, а в 1922 г. достигла критической отметки, занимая лишь 39% от площади 1918 г. [1, с. 118]. Прямым следствием этого стало резкое снижение

урожайности полей: если в 1918 г. в Амурской губернии был отмечен наивысший валовый сбор зерна (около 33 млн. пудов), то уже с 1920 г. сбор хлеба существенно снижается, а неурожай 1923 г., когда погибло 23% всей засеянной площади, лишь усугубил ситуацию.

В прежние годы амурское земледелие, носившее утрированно зерновой характер, практически в полной мере удовлетворяло нужды региона в хлебе, ежегодно поставляя излишки продукции на рынок, однако, с начала 20-х гг. XX в. от голода Дальний Восток спасали завозы хлеба из Маньчжурии и Западной Сибири, достигавшие 7,5 млн. пудов в год [2]. Нужда в хлебе была столь велика, что когда осенью 1922 г. крестьяне Амурской губернии, поверив слухам о предстоящем изъятии хлебной продукции, стали массово выбрасывать свой хлеб на рынок, председатель Амурского губревкома, стремясь пресечь начавшуюся утечку хлеба за границу и падение цен на зерно и муку, в письме просил Дальревком выяснить потребность в хлебе во Владивостоке, Хабаровске и Николаевске с целью организации возможных закупок и разрешить Амурскому губревкому «… применение решительных мер против утечки хлеба за границу, включая смертную казнь с конфискацией имущества» [3].

Губительные последствия Гражданской войны и интервенции, безусловно, сильнейшим образом отразились на дальневосточном крестьянстве. А.М. Брянский, сравнивая основные показатели 1917 г. и 1923 гг., характеризующие степень благополучия крестьянского хозяйства, отмечает, что к 1923 г. количество душ, приходящееся, в среднем, на одно хозяйство, уменьшилось на 12%, пашни – на 23%, сенокоса – на 49%, скота – на 40% [4]. Эти сведения недвусмысленно указывают на измельчание дальневосточного крестьянского хозяйства и ослабление его экономической мощи. В то же время, повсеместный упадок сельского хозяйства на Дальнем Востоке обнаружил интересную закономерность, состоявшую в том, что массовому сокращению посевов торговых и кормовых культур (пшеница, овёс) сопутствовал некоторый рост серых продовольственных хлебов (рожь – с 7 до 11 тыс. дес., гречиха – с 5 до 10 тыс. дес.) [4, с. 25]. Это, как представляется, свидетельствует о смене вектора развития дальневосточного хозяйства; теперь земледелие в регионе приобрело ярко выраженную натурально-потребительскую направленность.

Ещё одним закономерным последствием военных действий стало уменьшение степени машинизации дальневосточного хозяйства. Амурская губерния традиционно широко применяла в земледельческой деятельности сельскохозяйственную технику, чем во многом обусловливались высокие показатели местного земледелия в прежние годы. Однако в 1917 – 1922 гг., по сведениям Л. Людевига, количество сельскохозяйственных машин уменьшилось следующим образом: жнеек – на 26%, косилок – на 23%, молотилок – на 21%, веялок – на 36%, телег на железном ходу – на 25% [1, с. 122]. Одновременно ухудшилось и их качество вследствие изнашивания, отсутствия пополнения и ремонта. Вследствие этого в 1924 г., когда площади посевов в Европейской России начали приближаться к довоенным, темпы

восстановления посевов Амурской губернии оставались медленными: здесь было засеяно менее половины от площади 1918 г.

Существенный удар был нанесён по животноводству, что особенно резко обнаружилось в Забайкальской губернии. Эта губерния специализировалась на разведении скота, поставляя в другие районы страны лошадей, мясо, шерсть и т. д. Однако хозяйственная разруха и неустойчивость рынка, ставшие следствием Гражданской войны, привели к катастрофическому уменьшению количества скота в Забайкалье [5], что наглядно демонстрируют статистические данные. Численность рабочего скота упала на 26%, поголовье овец уменьшилось на 35%, а количество свиней с 1917 г. по 1923 г. сократилось на 63,6% [4, с. 18].

В Амурской губернии поголовье свиней также понесло значительный урон, составляя в 1923 г. лишь 43,7% от уровня 1917 г. Количество лошадей за период 1917 – 1922 гг. уменьшилось на 24%, а рогатого скота – на 11%. При этом, в животноводстве, как и в земледельческом направлении, проявились характерные тенденции перехода к потребительскому хозяйству. Так, поголовье овец Амурской губернии в соответствующий период выросло на 98% [1, с. 122], хотя в 1917 г. из общей массы овец по трём губерниям на долю Амурской и Приморской губерний приходились лишь 5%. Интенсивное развитие овцеводства здесь было обусловлено растущими потребительскими нуждами крестьянства, не способного в условиях упадка земледелия прокормиться иным способом. В целом, события 1917 – 1923 гг. негативно повлияли на промышленную часть крупнорогатого скотоводства, сохранив нетронутой продуктивную часть.

Советизация Дальнего Востока повлекла за собой организацию мероприятий по преодолению разрухи, царившей в сельском хозяйстве. В феврале 1923 г. пленумом Дальревкома был заслушан отчётный доклад Областного земельного отдела, показавший, что до советизации края сельское хозяйство почти совсем не обслуживалось. В условиях острого дефицита денежных средств государство могло позволить себе лишь минимальные траты, поэтому характерной особенностью первоочередных действий советской власти было вовлечение в них пострадавших, т. е. крестьян. Одним из первых мероприятий стала организация крестьянских комитетов общественной взаимопомощи. К 1924 г. были организованы 1344 крестьянских комитета взаимопомощи, в аппаратах которых работали около 7 тыс. выборных членов (40% бедняков, 57% середняков) [6]. Деятельность этих комитетов, призванных оказывать содействие развитию крестьянского хозяйства, в целом, имела положительный эффект, поскольку способствовала снижению социальной напряжённости в деревне.

Вместе с тем, резкое сокращение посевных площадей региона истощило и семенные ресурсы населения. Поэтому ещё одной проблемой, требовавшей необходимого участия органов власти, была организация сельскохозяйственного кредита. Приступивший к работе в октябре 1923 г. Дальселькред организовал выдачу семенных ссуд, и уже в посевную кампанию 1924 г. в ссуду было отпущено 784466 пудов семян [6, с. 13]. При этом, с учётом возможного повторения неурожаев 1921 г. и 1923 г.,

охвативших весь регион, органами власти была предусмотрена возможность замены при возврате ссуды одних культур другими или взнос денег вместо уплаты натурой [7]. Так же в 1924 г. при участии Дальселькреда была организована и выдача кредита на другие цели, включая покупку скота, сельскохозяйственного оборудования и т. д.

Претворение в жизнь вышеуказанных мер осуществлялось в условиях кадрового дефицита в земельных органах. Отсутствие квалифицированных работников грозило серьезно замедлить решение агрикультурных проблем региона. Кадровый кризис был относительно урегулирован только к 1926 г. Если в 1923 г. во всем земельном аппарате работали 1228 чел. [6, с. 19], то открытие целого ряда новых учреждений (Приморская и Амурская опытные станции, областная станция по борьбе с вредителями, 10 карантинных пунктов), а также расширение агрономической и ветеринарной сетей привели к тому, что к 1926 г. земельный аппарат в количественном отношении вырос на 141% [8]. Количество агрономов, работающих непосредственно в деревне, увеличилось за то же время в 8 раз.

Таким образом, мероприятия советской власти в области сельского хозяйства позволили добиться определённых локальных успехов, наметив перелом в сторону дальнейшего улучшения и развития, благодаря чему к 1926 г. по своей продукции сельское хозяйство занимало в народном хозяйстве края 53% [9].

Рыбное хозяйство Дальнего Востока к началу советизации края безуспешно боролось с проблемой иного порядка – безраздельным влиянием японской рыбопромышленности в русских территориальных водах Дальнего Востока. В довоенный период воды Дальнего Востока давали 14% от общего улова России; по официальным данным, в 1911 – 1916 гг. улов рыбы в водах Дальнего Востока составлял примерно 10 млн. пудов [10]. Однако отсутствие в период Гражданской войны надлежащего регулирования отрасли со стороны государственных органов вылилось в интенсификацию рыбного промысла по всему тихоокеанскому побережью Дальнего Востока японцами. Хотя формально отношения двух стран в данной сфере продолжали регулироваться Русско-Японской рыболовной конвенцией 1907 г., провозгласившей равенство двух сторон в вопросах аренды рыбных участков с публичных торгов, на деле нормы этой конвенции не соблюдались, и наиболее выгодные участки в конвенционных водах были заняты японскими промышленниками. Ярко иллюстрируют господство японской рыбной промышленности следующие данные: в 1920 г. на восточном берегу Камчатки имелись 108 морских конвенционных рыболовных участков, из которых лишь 15 находились в аренде у русских рыбопромышленников, а 93 – у японцев. На западном побережье Камчатки в указанный год состояли в аренде 179 участков, из них 31 – в аренде у русских. По северному побережью Охотского моря, где главным объектом промысла являлись кета и горбуша, в 1920 г. состояли в аренде 66 участков, из которых лишь 9 были русскими. В Татарском проливе и юго-западном районе Японского моря участков было 20, из них лишь 1 русский [3, л. 59].

Главным залогом успеха японской рыбной промышленности, несомненно, было её подавляющее преимущество во всех аспектах рыбного промысла. Японцы превосходили русскую рыбопромышленность в объёме как людского, так и финансового ресурсов, в плане технической оснащённости и эффективности способов обработки улова. К примеру, в 1925 г. на рыбных промыслах были заняты 21698 японцев и только 10512 русских. 2/3 заработной платы рабочих, составлявшей примерно 6 млн. руб. за сезон, утекало за границу. Кроме того, японские рыбопромышленники обладали значительным промысловым флотом. В 1924 г. работающий в наших водах японский флот состоял из 185 судов с тоннажем 148 тыс. тонн, в то время как российских рыболовных судов было только 8 с тоннажем 14 тыс. тонн, по причине чего русским рыбопромышленникам приходилось прибегать к услугам иностранных судов, преимущественно японских [8, с. 144].

Капитал, вложенный в японскую рыбопромышленность, оценивался в 25 млн. руб., а стоимость их промыслового оборудования и рыбоконсервных заводов – в 30 млн. руб. [8, с. 145]. Отечественная рыбная промышленность подобными средствами не располагала, поэтому попытки государства внедриться в рыболовную деятельность долгое время были безуспешны. Основанный в 1923 г. Дальгосрыбпром за неимением денежных средств для непосредственной эксплуатации рыбных промыслов не просуществовал и двух лет. Сотрудничество с частным капиталом в виде образования смешанных акционерных обществ (Дальморепродукт, Окаро) оказалось более успешным. Однако отсутствие надлежащей базы в виде хозяйственных построек, оборудования, требовавшей значительных денежных вливаний, долгое время не позволяло этим смешанным проектам стать самодовлеющим фактором в дальневосточной рыбопромышленности: бóльшая часть их продукции по-прежнему поставлялась на японский рынок. Не обладая большими финансовыми возможностями, отечественные рыбопромышленники находились в полной зависимости от японцев, получая от них всё необходимое для промысла, опираясь на японских рабочих и заготовливая рыбные продукты (за малым исключением), на японский рынок. Применение со стороны советской власти запретительных норм было нецелесообразно, поскольку непременным следствием этого стало бы снижение доходов, остро необходимых для восстановления хозяйства Дальнего Востока. Следовательно, нормативное урегулирование рыбной отрасли имело целью «бескровный» перехват инициативы отечественной рыбопромышленностью. Это отчётливо осознавали руководители органов власти: в письме председателю Дальревкома П.А. Кобозеву отмечалось, что «… не давать японцам ловить мы не сможем и не должны, ибо Япония без нашей рыбы не обойдётся. Ею питается 60% японской бедноты, но мы должны оградить от хищничества и заставить японцев подчиняться нашим законам о рыбной ловле» [3, л. 95]. В этой связи, определённым успехом на поле нормативного регулирования взаимоотношений с Японией в рыбной промышленности стало принятие Декрета о порядке эксплуатации рыбных промыслов от 02.03.1923 г., благодаря чему инициатива постановки

промысловых участков на торги перешла в руки советской власти. Эти меры позволили в 1924 – 1925 гг. государственной рыбной промышленности в союзе с частной кооперативной рыбопромышленностью и местным населением, сдававшим свой улов промышленникам, опередить Японию, наметив твердый курс своему дальнейшему развитию с выходом на западноевропейский и союзный рынки сбыта.

Обрабатывающая и добывающая промышленности Дальнего Востока с конца 1910-х гг. также пребывала в состоянии разрухи. В особенно тяжёлом положении находились угольная промышленность, машиностроение, судостроение, где по причине убыточности советской власти пришлось пойти на закрытие ряда предприятий, эксплуатация которых представлялась невыгодной. Во Владивостоке сокращение штата и закрытие недействующих цехов Дальневосточного судостроительного завода позволили уменьшить непроизводственные расходы и удешевить производство, что, в свою очередь, привело к расширению клиентуры. В г. Хабаровске была проведена реорганизация завода Дальсельмаш, благодаря чему бездействующее ранее предприятие к началу 1924 г. обзавелось крупным заказом Госсельсклада (на сумму до 400 тыс. руб.) [8, с. 142] на изготовление сельскохозяйственных машин и рынком сбыта в лице земледельческого населения Амурской губернии.

В угольной промышленности дальневосточные предприятия, избежавшие ликвидации и консервации, сумели в короткие сроки наладить производство, и уже к 1923 – 1924 гг. выполняли планы почти полностью. В указанные годы было добыто от 91% (Кивдинские копи) до 103% (Зыбунные копи) запланированного угля. При этом, некоторым предприятиям (Сучанские копи) удалось выйти на заграничные рынки сбыта (Маньчжурский, Шанхайский) [6, с. 53].

Потребность Дальнего Востока в металле и металлоизделиях в значительной степени удовлетворялась привозом извне; в крае к началу 20-х гг. XX в. имелся только один действующий металлургический завод с крайне устаревшим оборудованием, специализировавшийся на выплавке штыкового чугуна и производстве чугунного литья – Петровский завод. Однако он сумел развить выплавку чугуна и выделку чугунных изделий до полной нагрузки, завоевав Сибирский и Дальневосточный рынки. Часть своей продукции Петровскому заводу удалось реализовать на монгольском рынке и даже в Центральной России, где его низкая себестоимость позволила конкурировать с изделиями уральских заводов.

Золотопромышленность Дальнего Востока к моменту окончания интервенции и Гражданской войны пребывала в состоянии коллапса. Главными добытчиками ценного металла в регионе оставались старатели, на долю которых приходилось свыше 90% добытого золота. Поскольку подготовленные и разведанные участки были к этому времени истощены, результаты добычи оказались зависимыми от случайных открытий золотоносных участков самими старателями, что ещё более ухудшило положение. Государство, не имея денежных средств для организации работ по механизации золотодобычи, выступало через свои учреждения в роли

скупщика. В 1923 – 1924 гг. государственными учреждениями было скуплено 420 пудов, то есть до 77% от общей добычи золота за год, составившей примерно 550 пудов [8, с. 137]. При таком подходе целесообразными признавались любые способы и методы добычи, ведь результат измерялся, прежде всего, количеством скупленного золота. В этой связи, председатель заседания комиссии ВСНХ Шапиро относительно скупки Дальторгом золота отметил, что «… в настоящее время на приисках работают арендаторы, старатели и даже хищники. Все они нужны, так как являются проводниками развития золотопромышленности. Дальторг должен стараться скупать у них золото, снабжая и кредитуя их по возможности» [11]. Между тем, вопрос товароснабжения приисков в золотопромышленности был краеугольным: многие золотоносные районы, закрытые к началу советизации, были оставлены добытчиками именно по причине нерегулярного их снабжения. Государственному тресту Дальзолото, приступившему к работе весной 1925 г., удалось наладить снабжение приисков товарами и к 1926 г. в целом улучшить организацию добычи золота.

Подводя итог изложенному, следует сделать вывод о том, что темп восстановления хозяйства до довоенного уровня на Дальнем Востоке был более замедленным, чем в западной части страны. Причины этого состояли в том, что начальный период советизации Дальнего Востока явился одновременно периодом строжайшей экономии в расходовании государственных средств. Это, в свою очередь, ставило серьёзные проблемы перед реализацией запланированных советской властью мероприятий по «реанимации» краевого хозяйства. Помимо местных налогов, дальневосточная казна могла рассчитывать на поступление неналоговых доходов: арендной платы за эксплуатацию рыбных, земельных и лесных угодий. Однако долгое время эти доходы выражались незначительными суммами, и только в 1924 – 1925 гг., с принятием юридических мер в отношении соответствующих отраслей хозяйства, прибыль от лесных и рыбных концессий стала увеличиваться. Тяжёлая промышленность только начала возрождаться и не могла приносить существенную прибыль, поскольку оплата, поступавшая с заказчиков, немедленно обращалась на погашение срочных платежей по зарплате и на покупку самого необходимого ассортимента материалов. Большая разница в экономической мощности отдельных губерний Дальнего Востока вынуждала органы власти перераспределять доходы в пользу экономически слабых и наиболее пострадавших губерний (Амурская, Забайкальская), ограничивая их деятельность осуществлением точечных мероприятий, способных упрочить хозяйство Дальнего Востока, но не продвинуть вперёд. Таким образом, 1922 – 1924 гг. можно охарактеризовать как период «хозяйственной обороны», в течение которого внимание органов власти было сосредоточено на упорядочении хозяйства края, а не на его расширении.

Литература и источники:

1. Людевиг, Л. Амурское земледелие в его прошлом и настоящем, и вероятные виды на будущее / Л. Людевиг // Известия Амурского научно-экономического общества. – 1924. – №4. – С. 115, 118, 122.

2. Кабанов, Е. И. Сельское хозяйство Дальневосточного края и его задачи / Е. И. Кабанов. – Владивосток : «Книжное дело», 1926. – С. 15.

3. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. Р58. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 15, 59, 95.

4. Брянский, А. М. Сельское хозяйство дальневосточной области в годы революции (1917 – 1923 гг.) / А.М. Брянский // Дальневосточное областное статистическое управление. – Хабаровск, 1925. – С. 8, 18, 25.

5. Сборник материалов по политическому и экономическому состоянию Дальнего Востока // Дальбюро ЦК РКП(б). – Чита, 1923. – С. 166.

6. Что сделала советская власть на Дальнем Востоке за год (краткий отчёт Дальревкома за 1923 – 1924 гг.) // Дальревком. – Хабаровск, 1924. – С. 13, 15, 19, 53.

7. Инструкция по возврату ссуд на обсеменение полей, выданных населению Дальневосточного округа за время с 1921-го по 1923 гг. и подлежащих зачислению в неприкосновенный государственный семенной фонд области от 03.10.1923 // Дальземуправление. – Хабаровск, 1923. – П. 26.

8. Три года советского строительства в Дальневосточном крае (отчёт Дальревкома за 1922–1925 год) // Дальревком. – Хабаровск, 1926. – С. 94, 137, 142, 144, 145.

9. Резолюции и материалы III-го Краевого совещания земельных работников Дальневосточного края. 21-30 ноября 1926 г. / Далькрайземуправление. – Хабаровск, 1927. – С. 5.

10. Целищев, М. И. Экономические очерки Дальнего Востока / М. И. Целищев. – Владивосток: «Книжное дело», 1925. – С. 49.

11. Дальневосточное хозяйство. – 1923. – №2. – С. 24.